

МОДЕЛИ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ НОРМАТИВНОГО ОБОСНОВАНИЯ

Шавеко Николай Александрович

- e-mail: Shavekonikolai@gmail.com;
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник;
Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук, Удмуртский филиал
426004, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4,
Российская Федерация

Для цитирования

Шавеко Н. А. Модели совещательной демократии: основные способы нормативного обоснования // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 18.09.2024
- Статья размещена на сайте 28.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Эми Гутманн и Дэнис Томпсон](#)

[Юрген Хабермас](#)

[Карлос Сантьяго Нино](#)

[Варианты синтеза](#)

[Роберт Гудин и «рефлексивная демократия»](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Статья направлена на то, чтобы рассмотреть несколько типичных моделей совещательной (делиберативной) демократии и осуществить критический анализ аргументации, приводимой соответствующими авторами в поддержку своих моделей.

Процедуры и методы. Используются методы сравнительного, нормативного, критического анализа. В первую очередь рассматривается модель, предложенная Э. Гутманн и Д. Томпсоном, далее – модели Ю. Хабермаса, К. Нино, Р. Гудина.

Результаты. Обнаруживается, что, во-первых, различные мыслители понимают цели и смысл делиберации по-разному, видя в ней то эпистемическую, то неэпистемическую ценность, во-вторых, сама делиберация может пониматься двояко, а именно как обсуждение и как осмысление, что позволяет говорить о двух различных теориях совещательной демократии: дискурсивной и рефлексивной.

Теоретическая и / или практическая значимость. Полученные результаты позволяют лучше осмыслить феномен делиберативной демократии, предлагая две возможных классификации делиберативных концепций демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

демократия, делиберация, модели демократии, политический либерализм, справедливость, совещательная демократия, этика дискурса

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье будет рассмотрено несколько авторских моделей совещательной (делиберативной) демократии, предложенных в зарубежной научной литературе, и произведён критический анализ аргументации, приводимой авторами в поддержку своих моделей. Мы начнём с концепции, предложенной Э. Гутманн и Д. Томпсоном, где делиберация рассматривается в качестве способа преодоления моральных разногласий, а далее перейдём к эпистемологическим трактовкам делиберации за авторством Ю. Хабермаса, К. Нино и Р. Гудина. В конечном счёте рассмотрение указанных моделей продемонстрирует, что, во-первых, различные мыслители понимают цели и смысл делиберации по-разному, видя в ней то эпистемические, то неэпистемические цели, во-вторых, сама делибе-

рация может пониматься двояко, а именно как обсуждение и как осмысление, что позволяет, по нашему мнению, говорить о наличии фактически двух различных теорий совещательной демократии: дискурсивной и рефлексивной.

ЭМИ ГУТМАНН И ДЭНИС ТОМПСОН

Американские авторы Э. Гутманн и Д. Томпсон видят в совещательной демократии объединение положительных черт процедурной и конституционной концепций демократии [20, р. 26–51]. Согласно их терминологии процедурная концепция демократии исходит из того, что любое решение, принятое в соответствии с демократической процедурой, является справедливым (иными словами, демократия рассматривается как высшая политическая ценность), а конституционная концепция демократии заключается в утверждении, что существует независимый критерий справедливости принимаемых решений, а демократическая процедура ценна лишь постольку, поскольку позволяет достичь справедливого результата.

Уже из приведённых определений можно заключить, что процедурная и конституционная концепции являются, в сущности, логически взаимоисключающими: объединить эти концепции, не отбрасывая полностью ни одну из них, можно, только признав определённую ценность как за процедурой самой по себе, так и за конечным результатом. Какие-либо иные смешения конституционной и процедурной концепций будут заведомо логически противоречивыми. Вот почему представляются сомнительными попытки Гутманн и Томпсона найти здесь «золотую середину».

При рассмотрении указанной проблемы представляется уместным обратиться к терминологии, предложенной Дж. Ролзом, различавшим чистую, совершенную и несовершенную процедурные справедливости [5, с. 85]. В рамках данной терминологии процедурную демократию можно было бы представить как концепцию, относящуюся к «чистой процедурной справедливости», т. е. как отстаивающую точку зрения, согласно которой отсутствует какой-либо критерий политической справедливости, помимо самой демократической процедуры (или же он недостижим для человеческого познания, или же он по какой-то неведомой причине не влияет на ценность самой процедуры). В свою очередь, конституционная демократия,

казалось бы, тяготеет к несовершенной процедурной справедливости, т. е. к точке зрения, согласно которой демократическая процедура ценна потому, что лучше своих аналогов способствует достижению независимого критерия политической справедливости. Но на самом деле таким независимым критерием политической справедливости могут быть и результаты некоторой идеальной процедуры, соответственно, конституционные демократы теоретически могут придерживаться чисто процедурной концепции справедливости. Наконец, остаётся ещё совершенная процедурная справедливость, согласно которой, во-первых, имеется независимый критерий справедливости, во-вторых, имеется процедура, которая почти наверняка даст желаемый результат. Этот тип воззрений на справедливость также может сочетаться с конституционной демократией.

Где в этой классификации расположить попытки рассматриваемых авторов найти некоторую «золотую середину», не вполне ясно (говоря прямо – такая «золотая середина» попросту логически невозможна, поскольку все возможные варианты уже покрываются процедурной и конституционной концепциями демократии). Однако, если делиберативная концепция демократии претендует на роль «золотой середины» хотя бы в каком-то смысле, она могла бы, например, сосредоточиться на совершенной процедурной справедливости (не противопоставляя себя радикально ни процедурной, ни конституционной концепциям). Таким образом, чтобы защитить некоторую версию совершенной процедурной справедливости, Гутманн и Томпсон должны были бы, во-первых, предложить свой собственный критерий справедливости, а во-вторых, процедуру, следование которой наверняка приводит к соблюдению указанного критерия.

Вместо этого названные авторы сразу же уклоняются от поиска фундаментального принципа справедливости, рассматривая концепцию делиберативной демократии как «теорию среднего уровня» (или «теорию второго уровня»), т. е. как совокупность идей, которые должны предложить ответы на насущные вопросы о политическом устройстве без ссылок на какие-либо фундаментальные представления о справедливости [20, р. 5–6]. Логично, что при таких обстоятельствах попытка обосновать делиберативную демократию как совершенную процедурную справедливость должна была бы провалиться с самого начала. Но Гутманн и Томпсон не считают свою концеп-

цию вариацией совершенной процедурной справедливости. Так, они заявляют: «Мы не хотим сказать, что совещательная демократия может гарантировать социальную справедливость как в теории, так и на практике» [20, р. 18]. Или: «Обсуждения недостаточно для установления справедливости, но обсуждение на некотором этапе процесса необходимо» [21, р. 101]. Очевидно, что тогда их концепцию следовало бы отнести к несовершенной процедурной справедливости. Однако и в этом случае требуется некий независимый от демократической процедуры критерий справедливости, который данные авторы искать отказываются. Тем самым они загоняют себя в логический тупик, поскольку в отсутствие независимого от демократической процедуры критерия справедливости остаётся лишь принять процедурную версию демократии, но и этого авторы не делают.

Фактически же они пытаются свести обоснование делиберативной демократии к тому, что она на практике лучше других способствует решению конфликтов моральных ценностей. Иными словами, рассматриваемые авторы, сами того не желая, имеют в виду вполне определённый ответ на вопрос о высшем принципе справедливости. Во многом этот ответ совпадает с базовыми постулатами этики дискурса Ю. Хабермаса [10] и К.-О. Апеля [1], просто последние два автора, по сути, увязывают отсутствие моральных разногласий с моральной истиной, тогда как Гутманн и Томпсон рассматривают его как некоторую «второстепенную» цель, «не противоречащую» моральной истине. Однако чисто концептуально это одно и то же (моральное утверждение, которое не противоречит моральной истине, – это и есть моральная истина).

Конечно, высший статус такой цели, как минимизация в реальной жизни моральных конфликтов, не очевиден (например, некоторые содержательные и / или процедурные правила могут признаваться ценными независимо от реального общественного согласия относительно них, а потому обеспечиваться силой принуждения, или же может придаваться высокая ценность самим моральным конфликтам, как это имеет место у Ш. Муффа и других сторонников «агонистической демократии», видящих в постоянной борьбе и плюрализме фактор поддержки демократии [24, р. 755–756]), но нет ничего предосудительного в том, чтобы взять его за основу. При таких обстоятельствах для оправдания той или иной модели делибератив-

ной демократии остаётся лишь показать, что она в наибольшей степени способствует преодолению моральных разногласий. И всё же вопрос о справедливости делиберативной демократии не будет снят до тех пор, пока не будет обоснована её базовая предпосылка, т. е. взгляд на справедливость как на отсутствие в реальной социальной практике конфликтов относительно моральных ценностей.

По всей видимости, Гутманн и Томпсон ошибочно считают данную предпосылку самоочевидной (свойственной всем моральным учениям), рассматривая свою теорию делиберативной демократии лишь как теорию второго / среднего уровня (т. е. как теорию, которая не задаётся вопросом о том, какая этическая теория – утилитаризм, деонтология или этика блага – является верной). Однако эта попытка уйти от важнейших моральных вопросов ссылкой на «второй уровень» неубедительна. Так, например, данные авторы отстаивают три базовых принципа (условия) делиберативной демократии: взаимность (ориентация на решения, морально приемлемые для каждого), открытость (презумпция того, что информация должна быть доступна, а аргументация – публична) и подотчётность (по отношению ко всем, на кого влияют принимаемые решения). Ключевой принцип взаимности они противопоставляют благоразумию (ориентации на решения, приемлемые для каждого по любой из возможных причин) и беспристрастности (ориентации на решения, соответствующие неким объективным моральным идеалам): «Благоразумие ставит под сомнение необходимость нравственности..., в то время как беспристрастность ставит под сомнение необходимость взаимной приемлемости. «Если политические рассуждения взаимоприемлемы, – спрашивает придерживающийся принципа благоразумия критик, – то почему они должны быть ещё и моральными...?». Критик, придерживающийся принципа беспристрастности, задаёт противоположный вопрос: «Если политические рассуждения морально обоснованы, то почему они должны быть [ещё и] взаимоприемлемы...?»» [21, р. 57]. Очевидно, что принцип взаимности напрямую следует из той базовой ценности, которую фактически поставили перед собой авторы: преодоление моральных разногласий на практике (а не просто на уровне теории). Но если бы понимание высшей цели было иным, то принципы благоразумия и беспристрастности оказались бы более убедительными, чем принцип взаимности. Никакая «теория второго

уровня» в действительности не может быть построена до тех пор, пока мы не определимся с «теорией первого уровня». Фактически за противопоставлением принципов взаимности, благоразумия и беспристрастности уже скрывается спор «первого» («высшего») уровня о том, что такое справедливость.

Гутманн и Томпсон, очевидно, разрабатывают свою нормативную теорию делиберативной демократии под влиянием Дж. Ролза. Последний, в свою очередь, известен, скорее, не как теоретик демократии, а как теоретик справедливости. Между тем его взгляды могут быть рассмотрены и в рамках демократической теории. Так, в своей поздней работе «Политический либерализм» [26] Ролз предпринял попытку разработать концепцию справедливости, которая могла бы быть применимой к современным обществам, характеризующимся высоким уровнем разумных разногласий по фундаментальным вопросам. При этом он исходил из того, что любая правдоподобная концепция справедливости должна быть реалистичной и иметь шансы на воплощение (отвечать требованию стабильности). Это, по мнению Ролза, имеет место в случае, если можно разумно ожидать, что данную концепцию (касающуюся основных политических, социальных и экономических институтов общества) могли бы разумно и на условиях взаимности принять люди, рассматриваемые как свободные и равные, но имеющие различающиеся религиозные, философские и моральные убеждения. Иными словами, справедливым является то, что может быть «публично оправданно» (согласно определённым стандартам рациональности). Эту теорию справедливости Ролз обозначил как политический либерализм. Гутманн и Томпсон, в свою очередь, не оценивают ролзовскую теорию справедливости, а лишь заимствуют у него ту спорную идею, что тенденция к минимизации на практике моральных разногласий является неотъемлемой частью любой правдоподобной теории справедливости (ибо необходима для стабильности). И далее, предполагая идеал демократии очевидным, они защищают именно совещательную модель демократии, поскольку она, по их мнению, лучше справляется с моральными разногласиями.

ЮРГЕН ХАБЕРМАС

Более последовательными, чем у Э. Гутманн и Д. Томпсона, представляются взгляды тех мыслителей, которые пытаются обосновать совещательную демократию эпистемологически. Однако и они сталкиваются с определёнными трудностями.

Так, немецкий философ Ю. Хабермас [8, с. 389–401] противопоставляет свою теорию демократии, которую он называет процедурной, двум другим теориям: либеральной и республиканской. По его мнению, демократическая процедура не может рассматриваться ни как только легитимирование существующей политической власти частными лицами (либерализм), ни как только конституирование общества (республиканизм). Преимущества республиканизма Хабермас видит в акценте на коммуникацию и совместную выработку общих (этических) целей. Однако он признаёт, что полного согласия относительно общих целей в рамках коммуникации достичь невозможно. Соответственно, необходимо искать баланс (компромисс) противоречащих друг другу интересов, который достигается в рамках политико-правовых институтов (выборы, партии, парламент и т. п.) с помощью уже не только коммуникативного, но и стратегического действия, при этом само государство также должно быть ограничено в своих полномочиях (через права человека, законность, разделение властей и тому подобные механизмы и средства), и эти конституционные ограничения также должны быть обоснованы через моральные дискурсы. Тем самым достигается продуктивное сочетание республиканизма и либерализма: демократия – это одновременно и поиск консенсуса (в рамках институтов гражданского общества), и поиск компромисса (в рамках государственных институтов) в случаях, когда консенсуса достичь не удалось. Через демократические процедуры вырабатывается общественное мнение, которое впоследствии становится политической волей.

Хабермас признаёт, что на практике демократические дискурсы могут испытывать чрезмерное влияние государства (заорганизованность, экономическое и политическое давление, маскировка зависимых от государства структур под автономные и т. д.), но анархистская альтернатива, по мнению мыслителя, ещё менее привлекательна [9, с. 46–51]. Философ, в частности, сомневается в том, что коммуникативное действие способно противостоять расширению пространства, ориентированного на частный интерес действия, и отсюда – важность

государственно-правового механизма. В действительности у дискурса два врага: частное (продвижение личных интересов) и административное (навязывание ценностей тоталитарным государством). Хабермас, конечно, высказывает сомнение, что административным путём получится создать новые, а тем более эмансипированные формы дискурса, и твёрдо стоит на ограничении влияния исполнительной власти на развитие гражданского общества, но государство (административная власть) необходимо хотя бы для того, чтобы сдерживать рыночные силы и охранять гражданское общество от них.

В целом Хабермас надеется, что гражданское общество будет способствовать ограничению как власти государства, так и эгоистичных интересов отдельных лиц и организаций, т. е. модусов власти и денег, и вводит понятие «общественности» (Öffentlichkeiten) – открытых структур совместной жизнедеятельности людей, способствующих установлению широких, многомерных коммуникаций и выступающих посредником между частной и властной сферами [9, с. 126, 134]. По его мнению, благодаря общественности конкретная демократическая форма способна критиковать сама себя и тем самым развиваться. Отсюда развитое и сильное гражданское общество – главный и непрменный признак демократии. Общественное мнение, однако, не «властвует» самостоятельно, а лишь направляет использование административной власти в определённое русло, очерчивая круг допустимых решений [22]. Впрочем, здесь возникает вопрос, как именно мы можем удостовериться в том, что общественность в каждом конкретном случае выполнила отведённую ей роль [27, р. 366].

Вообще, Хабермас постоянно мимоходом повторяет, что воплощение разработанной им этики дискурса в реальных процедурах подразумевает некоторый уровень образованности и политической культуры (политических добродетелей) участников, чувства ответственности за себя и других (хотя прагматический дискурс и не должен монополизироваться «философами» и прочими «знатоками», ибо только каждый сам может точно сказать, что ему надо). Это, конечно, влияет на уместность демократических процедур в том или ином обществе. Ведь, в сущности, взгляды Хабермаса показывают, что демократия уместна только для государств с развитой политической культурой и системой образования, а также при достаточно высоком чувстве социальной ответственности граждан. Но даже

и здесь имеются обоснованные опасения, что созданные для общественного дискурса институты перестанут ему служить.

Хабермас пронизательно отмечает, что у общественности есть и третья опасность: её собственная спонтанность, нестабильность. Определённые правовые ограничения дискурса в принципе неизбежны (так, полицейский и судья не будут аргументировать убийце, что убивать нехорошо, т. е. право вообще подразумевает прерывание дискурса). Парламент как главный демократический институт призван «разгрузить», опосредовать и сократить коммуникацию всей общественности до разумных пределов с целью эффективного принятия решений (общественность и парламент могут и должны взаимодействовать, но последнее слово за парламентом). Однако вопрос о том, каковы разумные пределы продолжительности дискурса, к сожалению, не получает у мыслителя должного разрешения.

Немецкий философ полагает, что, хотя в идеале каждый должен подчиняться только таким законам, с которыми сам согласился или которые сами создал (идея Руссо, воспринятая Кантом), в какой-то момент нужно принять окончательное решение, поэтому дискурс следует прекратить и взять за основу мнение большинства; при этом меньшинства не понуждаются к отказу от своих убеждений, но предполагается, что они не смогли на данный момент привести убедительные аргументы своей позиции [9, с. 36–39, 98]. Таким образом, «правило большинства» остаётся, но приобретает служебный характер. Оно обосновывается как способ противодействия неопределённости в вопросах справедливости.

Из всего сказанного следует, что процедурная теория демократии у Хабермаса весьма опосредованно связана с разработанной им же этикой дискурса. Вообще, этика дискурса с некоторой долей условности может быть отнесена к моральным теориям, исходящим из концепции чистой процедурной справедливости (в терминологии Ролза), поскольку она не признаёт каких-либо иных критериев политической справедливости, помимо результатов самой процедуры дискурса. Соответственно, демократическая процедура – это то, что приближает нас к результатам идеальной процедуры, но само по себе таковой не является (следовательно, речь идёт, по сути, о конституционной демократии в терминологии Гутманн и Томпсона, хотя сам Хабермас использует для обозначения своих взглядов термин «процедурная демократия»). При некоторой доле

условности можно сказать, что этика дискурса – это идеал, а совещательная демократия – это определённый механизм воплощения данного идеала на практике. Однако Хабермас также подчёркивает, что «правовым регулированием затрагиваются не только в узком смысле моральные вопросы, но и вопросы прагматического и этического характера» [8, с. 405], а потому демократия служит не только поиску моральной истины, но и формированию общих этических целей (т. е. общих представлений о правильно прожитой жизни, образующих узы солидарности), а также определению способов реализации указанных идеалов. В любом случае конкретные требования, предъявляемые к такому механизму преобразования моральных, этических и прагматических истин в реальность, у немецкого философа не обосновываются. Это и понятно, ведь моральная оправданность конкретных институтов преобразования разрозненных взглядов в единую политическую волю также должна быть результатом соответствующих дискурсов, и здесь не может быть каких-то заранее определённых постулатов. Хабермас ограничивается, в сущности, общим замечанием, что для разрешения противоречия между идеалом и действительностью правопорядку следует создавать условия для собственной легитимации и для фактического взаимного признания гражданами друг друга [9, с. 203]. Но всё же в целом демократическая процедура может быть рассмотрена, в том числе, как механизм, способствующий поиску истины в неидеальных условиях.

Взгляды Хабермаса на демократию могут быть подвергнуты критике с различных сторон. Во-первых, можно не соглашаться с самой этикой дискурса, лежащей в основе этих взглядов (см., напр.: [11]). Во-вторых, стремление на практике максимально приблизиться к идеальной процедуре вовсе не гарантирует, что тем самым будет достигнуто максимальное приближение к моральной истине [16, р. 14–15; 17, р. 17]. Наконец, в-третьих, Хабермас, как представляется, слишком некритично воспринимает республиканскую идею поиска общего блага и отвергает либеральную идею защиты частных интересов, поскольку выработанная гражданским обществом и воплощаемая административной властью идея общего блага должна иметь свои ограничения (мы полагаем, что она нужна только для обеспечения известной стабильности и успешного функционирования общества, в остальном же навязывание

общих этических представлений нам представляется неоправданным).

Иногда Хабермаса также критикуют за нереалистичность его позиции. Так, например, И. Шапиро указывал, что консенсус достижим только в «идеальной речевой ситуации», а «в мире реальном властные отношения пронизывают собой поистине всякое людское взаимодействие» [12, с. 9–10]. В схожем ключе Хабермаса критиковали Э. Филипс (см. [2, с. 44–54]), Б. Фливерберг [7], Г. Дюкс [6, с. 132] и др. Впрочем, данные факты признавал и сам Хабермас, называя дискурсы «островками в мире насилия, корыстных мотивов, нежелания искать согласия» [10, с. 167]. Поэтому приведённая критика представляется безосновательной. Тем более что Хабермас не рисует некую утопичную картину, а пытается соотнести идеал с реальностью. В свою очередь, австралийский исследователь Дж. Драйзек критиковал Хабермаса за строгое разделение системы и жизненного мира, администрации и общественности, и разработал собственную дискурсивную модель демократии, особое внимание обращая на посреднические институты между государством и гражданами [15].

КАРЛОС САНТЬЯГО НИНО

Ещё одна заслуживающая внимания попытка оправдать делиберативную демократию эпистемологически принадлежит аргентинскому философу К. С. Нино. По мнению указанного автора, делиберативная демократия является «наиболее надёжной процедурой для получения доступа к знанию моральных принципов» [25, р. 107]. Иными словами, демократия, ключевой характеристикой которой являются публичные обсуждения, – это лучшее средство достижения моральной правильности. При этом данный автор критикует взгляды как Ролза, отводящего дискурсу вспомогательную роль, так и Хабермаса, не видящего никаких критериев моральной правильности, помимо оправдания в ходе дискурса. По мнению К. С. Нино, как правило, лишь дискурс открывает нам подлинное знание обоснованности тех или иных моральных норм, но он всё же не конституирует эту обоснованность самостоятельно [25, р. 107–117]. Из сказанного видно, что понимание демократии со стороны К. С. Нино очень близко тому, что Дж. Ролз назвал совершенной процедурной справедливостью. Так, учёный пи-

шет, что противоречие между личными правами и демократическим процессом является мнимым, поскольку «ценность демократического процесса проистекает из его способности прояснять такие моральные проблемы, как содержание, объём и иерархию прав» [25, р. 137]. Подобный вывод, как представляется, обоснован лишь в той мере, в которой делиберативная процедура является если не единственным, то хотя бы одним из самых надёжных методов познания моральных норм, т. е. представляет собой совершенную процедурную справедливость.

При таких обстоятельствах К. С. Нино должен показать, что демократия (в делиберативной её версии) действительно является практически неизбежной при решении моральных вопросов. Здесь аргентинский философ совершенно верно акцентирует внимание на эпистемологической ценности делиберации.

Во-первых, он подчёркивает способность делиберации изменять предпочтения, взгляды и интересы людей. Все существующие концепции демократии К. С. Нино разделяет как раз по тому, учитывают ли они фактор такого изменения как морально значимый. Учёный выступает резко против надления неких благожелательных элит или диктаторов правом делать окончательные выводы об интересах людей, поскольку эти интересы могут изменяться с появлением дополнительных возможностей для выбора или знаний об интересах других людей [25, р. 120]. Однако, не оспаривая то, что человеческие интересы изменчивы, мы могли бы задаться вопросом: почему данный факт должен иметь моральное значение? Если роль диктатора или элит заключается лишь в том, чтобы беспристрастно урегулировать конфликт интересов на основе некоторых принципов справедливости, совершенно не важно, какие факторы влияют на изменение этих интересов. Важно лишь то, что, если такое изменение значительно, прежние решения должны быть пересмотрены в соответствии с новой констелляцией интересов. В конце концов, сам правитель может постараться изменить некоторые интересы индивидов и благодаря этому урегулировать существующие противоречия. Сказанное, как кажется на первый взгляд, ставит ценность делиберации под сомнение. Конечно, если понимать делиберацию как «осмысление», то изменение предпочтений того или иного человека может быть оправдано в том смысле, что они стали более соответствовать моральным интуициям этого человека. Если же понимать де-

либерацию как «обсуждение», то мы могли бы подчеркнуть важность получения в ходе обсуждения новой информации и тем самым оправдать возможное изменение предпочтений лучшим пониманием собственных интересов. Однако получить информацию возможно и другими способами. Поэтому значимость именно обсуждения, а не осмысления остаётся под сомнением. Между тем Нино говорит о делиберации именно как об обсуждении.

Во-вторых, К. С. Нино указывает на неизбежность демократических процедур путём отсылки к ограниченности «субстантивной» морали и выводимых из неё прав человека. Так, он рассматривает мораль как нечто, могущее быть индифферентным и неопределённым по отношению ко многим вопросам, а право – как нечто, способствующее заполнению пробелов в морали [25, р. 64]. Схожая мысль встречается ещё у Хабермаса, который пишет: «Право в состоянии компенсировать слабости взыскательной морали, результаты которой, если смотреть на эмпирические следствия, когнитивно неопределённые и мотивационно ненадёжные» [8, с. 406]. Такое видение, однако, представляется небесспорным. Ведь если мы рассматриваем мораль нормативно (как некий идеал регулирования), а не социологически (как фактически распространённые обычаи или нравы), то она вполне может быть беспробельной и конкретной, не нуждаясь в помощи права (в том числе сформированного путём делиберативных процедур). При таких обстоятельствах вновь ставятся под сомнение разделяемые названным автором самоценность делиберативных процедур, применяемых при принятии законов, и несамодостаточность «субстантивных» принципов, выраженных в правах человека.

В целом аргументы Нино представляются недостаточными для обоснования демократии как совершенной процедурной справедливости. Однако его позиция интересна тем, что она представляет собой отличное от хабермасовского эпистемическое обоснование совещательной демократии.

ВАРИАНТЫ СИНТЕЗА

Таким образом, если одни рассматривают совещательную демократию как способ минимизировать моральные разногласия, другие видят в ней способ выявить моральную истину. При всей схожести эти позиции имеют существенные разли-

чия. Так, первая из них не связана моральным когнитивизмом, т. е. предположением, что в области морали имеется некий объективный критерий правильности действий, решений или норм. Гутманн и Томпсон исходят из ценности минимизации моральных разногласий независимо от того, существует ли объективно правильное политическое решение и является ли оно познаваемым. Сторонники второй позиции (К. С. Нино, Ю. Хабермас, К.-О. Апель и др.) придерживаются морального когнитивизма, а потому ищут не столько спокойствия, сколько правды. Вероятно, потому различны и пути достижения поставленных целей. Обычно приверженцы совещательной демократии стремятся снять противоречия между содержательной и процессуальной (процедурной) справедливостью. Но Гутманн и Томпсон, видя в делиберации лишь способ устранить взаимные разногласия, делают это путём смешения содержательных и процессуальных принципов, в то время как Нино и Хабермас прямо заявляют, что правильное содержание есть лишь продукт правильной процедуры. Как представляется, в изложенных позициях прослеживается старый спор о ценностях, выраженный в известном утверждении Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже». Гутманн и Томпсон больше ценят дружбу, а Нино и Хабермас – истину.

Высказывается также точка зрения, объединяющая две вышеназванные позиции. Так, К. Лафонт утверждает, что идеал совещательной демократии по определению представляет собой объединение ценностей демократии и совещания, т. е. фактически легитимности (сводящейся к «взаимной оправданности» через преодоление моральных разногласий) и справедливости (сводящейся к эпистемологической ценности делиберации) [23]. Дж. Коэн также оправдывает совещательную демократию на том основании, что ценным политическое решение делают не просто равный учёт интересов каждого, но ещё и одобрение этого решения со стороны каждого [14, р. 102].

Наконец, Д. Фишкин предлагает свою уникальную концепцию совещательной демократии, ключевую роль в которой играют так называемые совещательные опросы (дискуссии в относительно малых группах), и эту концепцию он пытается защитить путём отсылки к двум базовым ценностям: политическому равенству и делиберации. Доказывая, что совещательные опросы являются наилучшим воплощением ценности политического равенства, Фишкин, как представляется, путает

политическое равенство (т. е. равенство в политических правах и возможностях индивидов) с тем, что Р. Даль [3, с. 126–130] в своё время назвал «сущностным равенством» (т. е. равенством в достоинстве и значимости индивидов), поэтому в целом его аргументация выглядит нелогичной. Однако для наших целей важно обратить внимание, как Фишкин обосновывает ценность делиберации, осуществляемой в рамках совещательных опросов. Учёный утверждает, что посредством соответствующей процедуры достигаются большая беспристрастность во взглядах и большее уважение к рассуждениям, основанным на фактах, а не на мнениях (что в целом можно обозначить как эпистемологическое обоснование), а также большая приверженность принятым решениям и высокий уровень сплочённости между людьми (что в целом можно обозначить как иное инструментальное обоснование) [18]. Таким образом, у Фишкина также наблюдается попытка соотнести два различных типа обоснования делиберации.

Проблема с подобными «синтезирующими» точками зрения состоит в том, что два равнозначных идеала представляют собой логическое противоречие, а потому дополнительно требуют указания на правило их соотношения. Здесь есть несколько вариантов. Во-первых, можно легитимность рассматривать лишь как один из факторов, значимых для справедливости. Во-вторых, можно справедливость рассматривать лишь как один из факторов, значимых для легитимности. В-третьих, можно признать, что данные идеалы не обуславливают друг друга, но одновременно создать правило приоритета на случай конфликта этих идеалов (т. е. в любом случае признать, что эти идеалы неравнозначны, так как один из них в конечном счёте важнее другого). В любом случае цельное нормативное обоснование требует прояснения и обоснования собственных взглядов каждого автора по указанному вопросу.

РОБЕРТ ГУДИН И «РЕФЛЕКСИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

Наконец, ещё одна заслуживающая внимания попытка теоретического обоснования совещательной демократии принадлежит Р. Гудину.

Для начала следует сказать о том, что термин «deliberation» многозначен, что приводит к некоторой путанице в западной научной литературе. Дело в том, что его можно перевести и как

«обсуждение», и как «обдумывание». Однако «обсуждение» – это всегда коллективное действие, тогда как «обдумывание» возможно и в одиночестве. К сожалению, западные сторонники «делиберации», как правило, даже не рассматривают возможности «обдумывания» без «обсуждения». Но аргументация в пользу обдумывания и обсуждения может различаться. Так, очевидно, что предпочтения до и после обдумывания или обсуждения могут отличаться. На первом этапе мы должны обосновать, почему вообще предпочтения, сформированные по результатам обдумывания или обсуждения, ценнее тех, которые были изначально. Представляется, что в отношении обдумывания таким обоснованием может служить значимость обдумывания как процесса обработки информации, на основании которой формируются предпочтения. Иными словами, даже если человек владеет полной информацией, он не может сформировать свои предпочтения без соотнесения этой информации со своими моральными интуициями (в том числе без анализа возможных аргументов, построенных на этой информации). Но такое обдумывание, пожалуй, не обязательно тождественно обсуждению (дискурсу). Коллективное обсуждение, в свою очередь, можно было бы попытаться оправдать, подчёркивая связь легитимности того или иного решения с одобрением этого решения каждым, кого оно затрагивает, как это имеет место у Хабермаса или Коэна. Иными словами, дело не просто в формировании предпочтений и взглядов, а в формировании общих предпочтений и взглядов. Однако многие совещательные демократы (тот же Фишкин) заявляют, что одобрение каждым – это лишь бесполезная и отвлекающая утопия. Вот почему то, что им удаётся обосновать, – это не столько «deliberation» (термин, который можно понимать и как обсуждение, и как обдуманность), а лишь то, что можно обозначить как «thoughtfulness» (обдуманность).

Понимая это, Р. Гудин прямо разрабатывает концепцию не «делиберативной демократии», а «рефлексивной демократии», указывая, что рефлексия – это именно то, чего мы ждём от обсуждения, а потому она является первичной по отношению к обсуждению. Но рефлексия сама по себе независима от обсуждения. Конечно, в одиночестве достаточно сложно учесть и понастоящему понять многообразные интересы, поэтому обсуждение в той или иной форме всё равно необходимо, однако ни одно обсуждение не имеет смысла без рефлексии, к тому же в

тех случаях, когда обсуждение невозможно, рефлексия сама по себе помогает учесть интересы тех, кто «нем» или «тих». Вот почему Гудин предлагает сделать акцент на «обсуждении внутри» нас самих («deliberation within»), осуществляемом с активным привлечением эмпатии и воображения [19]. Однако важно обратить внимание, что здесь фактически отрицается ключевой компонент совещательной демократии, ведь большинство сторонников этой концепции настаивают на том, что коллективное обсуждение (дискурс) по тем или иным причинам лучше индивидуальных рассуждений. Некоторые авторы, например Дж. Драйзек, вообще предпочитают говорить именно о дискурсивной, а не о делиберативной демократии [15]. Таким образом, у Гудина совещательная демократия по сути приходит к собственному отрицанию, поскольку в его концепции отбрасывается центральная роль публичного дискурса.

Так или иначе, работы Гудина демонстрируют нам, что совещательная демократия может рассматриваться не только как способ преодоления моральных разногласий или установления моральной истины (справедливости), но и как способ формирования предпочтений, взглядов и позиций. Если цель политики заключается в том, чтобы учесть предпочтения каждого в равной мере, следует иметь в виду, что эти предпочтения должны быть осмысленными, информированными и ответственными (в противном случае человек неправильно понимает свой собственный интерес!) [4, с. 28]. При таких обстоятельствах совещательная демократия имеет целью не столько нахождение моральной истины путём согласования моральных интуиций (достижения «рефлексивного равновесия» и / или консенсуса), сколько осознание людьми своих собственных интересов и моральных интуиций с помощью: 1) предоставления людям полной информации; 2) мотивирования людей на осмысление этой информации. Как представляется, подчёркиваемая сторонниками совещательной демократии трансформация предпочтений и моральных воззрений в ходе обсуждения значима в первую очередь именно в том ключе, о котором говорит Гудин. Демократы часто утверждают, что ценность демократии состоит уже в том, что она способствует трансформации ценностей и предпочтений индивидов. Но почему предпочтения и моральные ценности индивида, сформированные по результатам коллективного обсуждения или иных форм политического участия либо по результатам стимулирующего использование

этих форм изменения социальных структур, сами по себе более значимы, чем предшествующие им? Действительно, иногда слишком сильные противоречия между частными интересами подрывают стабильность социального устройства и тем самым препятствуют реализации многих из самих частных интересов. В этих случаях формирование некоторого «общего интереса», т. е. социального консенсуса относительно принципов общественного устройства или политических стратегий, является важным шагом на пути к эффективности, легитимности и справедливости политического режима, и одним из действенных средств на этом пути могла бы стать делиберация. Однако в других случаях положительная роль трансформации интересов и ценностей должна быть доказана. На наш взгляд, значима не сама по себе трансформация, а осмысленность (твёрдость, отрефлексированность и осведомлённость) интересов и ценностных привязанностей: в той мере, в которой последняя возрастает в ходе обсуждения или иных форм политического участия, таковые следует считать желательными. В научной литературе данная позиция обозначается как «слабая» версия делиберативной демократии [4, с. 26–30]. Действительно, как заметил Дж. Бреннан, если дискуссия не приводит к изменению взглядов её участников, то, скорее всего, это означает, что дискуссия имеет не просто нейтральный, но даже и негативный эффект (люди лишь укореняются в своей предвзятости, несмотря на факты) [13, р. 67–73]. Соответственно, трансформация интересов и взглядов через «осмысление» является главной целью совещательной демократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые модели совещательной демократии фактически являются иллюстрациями к тезису о том, что различные мыслители понимают цели и смысл делиберации по-разному, видя в ней либо эпистемическую ценность (способ получения информации о фактах окружающего мира, в том числе о чужих интересах, и / или способ отрефлектировать собственные предпочтения и моральные принципы, и / или способ отыскать моральную истину), либо иную инструментальную ценность (например, связанную с преодолением моральных разногласий). Это позволяет выделить два вида трактовок совещательной демократии: эпистемологические и иные.

При этом сама делиберация может пониматься двояко, а именно как: 1) обсуждение (напр., дискурсивная демократия Дж. Драйзека); 2) осмысление (напр., рефлексивная демократия Р. Гудина). Это различное понимание делиберации позволяет, по нашему мнению, говорить о наличии фактически двух различных теорий совещательной демократии: дискурсивной и рефлексивной.

При этом делиберация как осмысление (рефлексия) – это одна из эпистемологических трактовок делиберативной демократии, тогда как делиберация как обсуждение (дискурс) может соотноситься как с эпистемологическими, так и с иными трактовками делиберативной демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества // Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. С. 263–335.
2. Бусова Н. А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. №5. С. 44–54.
3. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
4. Каширских О. Н. Политические предпочтения в контексте теории делиберативной демократии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. №1. С. 20–34.
5. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.
6. Современная западная теоретическая социология: реферативный сборник. Вып. 1: Юрген Хабермас / под ред. Н. Л. Поляковой. М.: ИНИОН РАН, 1992. 134 с.
7. Фливерберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социологические исследования. 2000. №2. С. 127–136.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Ками: Academia, 1995. 244 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина. СПб.: Наука, 2006. 379 с.
11. Шавеко Н. А. Этика дискурса Юргена Хабермаса: критический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. №60. С. 125–136.

12. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования. 2001. №3. С. 6–15.
13. Brennan J. *Against democracy*. Oxford: Princeton University Press, 2016. 304 p.
14. Cohen J. *Procedure and Substance in Deliberative Democracy // Democracy and difference. Contesting the boundaries of the political / ed. S. Benhabib*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 95–119.
15. Dryzek J. S. *Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 254 p.
16. Elster J. *The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // Deliberative democracy: essays on reason and politics / ed. J. Bohman, W. Rehg*. Cambridge; London: MIT Press, 1997. P. 3–34.
17. Estlund D. *Democratic Authority*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 309 p.
18. Fishkin J. S. *When the people speak. Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. 256 p.
19. Goodin R. E. *Reflective Democracy*. New York: Oxford University Press, 2003. 279 p.
20. Gutmann A., Thompson D. *Democracy and disagreement*. Cambridge; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1996. 422 p.
21. Gutmann A., Thompson D. *Why deliberative democracy?* Oxford: Princeton University Press, 2004. 232 p.
22. Habermas J. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. 666 p.
23. Lafont C. *Is the ideal of a deliberative democracy coherent? // Deliberative democracy and its discontents / ed. S. Besson, J. L. Marti*. London: Routledge, 2006. P. 3–26.
24. Mouffe Ch. *Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? // Social Research*. 1999. №66. P. 745–758.
25. Nino C. S. *Constitution of deliberative democracy*. New Haven; London: Yale University Press, 1996. 251 p.
26. Rawls J. *Political liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. 401 p.
27. *Zeitgenössische Demokratietheorie. Band 1: Normative Demokratietheorien / ed. O. W. Lembcke, C. Ritzki, G. S. Schaal*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. 481 S.

ARTICLE INFORMATION

Author

Nikolai A. Shaveko

- e-mail: Shavekonikolai@gmail.com,
Cand. Sci. (Law), Senior Researcher,
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Udmurt Branch
ul. Lomonosova 4, Izhevsk 426004, Udmurt Republic, Russian Federation

For citation

Shaveko N. A. Models of deliberative democracy: the main ways of normative justification. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Absract

Aim. To examine several original models of deliberative democracy proposed in foreign scientific literature and provide a critical analysis of the arguments given by the authors in support of their models.

Methodology. The methods of comparative, regulatory and critical analysis are used. First of all, the model proposed by A. Gutmann and D. Thompson is considered, then, the models presented by J. Habermas, C. Nino and R. Goodin.

Results. Consideration of all the models demonstrates that, firstly, different thinkers understand the goals and meaning of deliberation in different ways, seeing it as either epistemic or non-epistemic value, and secondly, deliberation itself can be understood in two ways, namely as a discussion and as an reflection (thoughtfulness), which allows to talk about the existence of actually two different theories of deliberative democracy: discursive and reflexive.

Research implications. The results obtained make it possible to better understand the phenomenon of deliberative democracy by offering two possible classifications of the deliberative models.

Keywords

deliberation, deliberative democracy, democracy, discourse ethics, justice, models of democracy, political liberalism

References

1. Apel K.-O. [A priori of the communicative community]. In: Apel K.-O. Transformation der Philosophie (Rus. ed.: Kurennoi V., Skuratov B., transl. *Transformaciya filosofii*. Moscow, Logos Publ., 2001, pp. 263–335).
2. Busova N. A. [Deliberative model of democracy and the politics of interests]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2002, no. 5, pp. 44–54.
3. Dal R. *Demokratiya i ee kritiki* [Democracy and its critics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 576 p.
4. Kashchirskikh O. N. [Political Preferences in the Context of the Theory of Deliberative Democracy]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2012, no. 1, pp. 20–34.
5. Rawls J. A Theory of justice (Rus. ed.: Tselishchev V. V., transl. *Teoriya spravedlivosti*. Moscow, LKI Publ., 2010. 536 p.).
6. Polyakova N. L., ed. *Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sociologiya: referativny'j sbornik. Vy'p. 1: Yurgen Habermas* [Contemporary Western Theoretical Sociology: A Collection of Abstracts. Iss. 1: Jurgen Habermas]. Moscow, INION RAN Publ., 1992. 134 p.
7. Flivberg B. [Habermas and Foucault – theorists of civil society]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2000, no. 2, pp. 127–136.
8. Habermas J. Die einbeziehung des anderen (Rus. ed.: Medvedev Yu. S., transl. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. 417 p.).
9. Habermas J. Demokratie. Der Geist. Moral. Moskauer Vorträge und Interviews, Russian Translation (Rus. ed.: Motroshilova N. V., ed. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'*. *Moskovskie lektsii i interv'yū*. Moscow, Kami Publ., Academia Publ., 1995. 244 p.).
10. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln (Rus. ed.: Shachin S. V., transl. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 379 p.).
11. Shaveko N. A. [Jurgen Habermas's Discourse Ethics: A Critical Analysis]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2021, no. 60, pp. 125–136.
12. Shapiro I. [Rethinking Democratic Theory in Light of Contemporary Politics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2001, no. 3, pp. 6–15.
13. Brennan J. *Against democracy*. Oxford, Princeton University Press, 2016. 304 p.

14. Cohen J. Procedure and Substance in Deliberative Democracy. In: Benhabib S., ed. *Democracy and difference. Contesting the boundaries of the political*. Princeton, Princeton University Press, 1996, pp. 95–119.
15. Dryzek J. S. *Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 254 p.
16. Elster J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory. In: Bohman J., Rehg W., eds. *Deliberative democracy: essays on reason and politics*. Cambridge, London, MIT Press, 1997, pp. 3–34.
17. Estlund D. *Democratic Authority*. Princeton, Princeton University Press, 2008. 309 p.
18. Fishkin J. S. *When the people speak. Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2009. 256 p.
19. Goodin R. E. *Reflective Democracy*. New York, Oxford University Press, 2003. 279 p.
20. Gutmann A., Thompson D. *Democracy and disagreement*. Cambridge, London, Belknap Press of Harvard University Press, 1996. 422 p.
21. Gutmann A., Thompson D. *Why deliberative democracy?* Oxford, Princeton University Press, 2004. 232 p.
22. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1992. 666 p.
23. Lafont C. Is the ideal of a deliberative democracy coherent? In: Beson S., Marti J. L., eds. *Deliberative democracy and its discontents*. London, Routledge, 2006, pp. 3–26.
24. Mouffe Ch. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? In: *Social Research*, 1999, no. 66, pp. 745–758.
25. Nino C. S. *Constitution of deliberative democracy*. New Haven, London, Yale University Press, 1996. 251 p.
26. Rawls J. *Political liberalism*. New York, Columbia University Press, 1993. 401 p.
27. Lembcke O. W., Ritzi C., Schaal G. S., eds. *Zeitgenössische Demokratietheorie. Band 1: Normative Demokratietheorien*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. 481 S.